

МИССИЯ ЖЕНЭ И НЕЙТРАЛИТЕТ США (1973 г.)

■

Н. А. Краснов

Миссия Женэ в США — одна из интересных страниц американо-французских отношений XVIII в. Ее содержание и влияние на международное и внутривластное положение американской Республики стали предметом изучения ряда историков США. Томас¹ и Хайнман² в своих монографиях рассмотрели действие американского правительства с заведомо апологетических позиций. Минниджерод, напротив, задался целью реабилитировать Женэ, считая причиной неудачи его миссии козни Джефферсона. Указанные недостатки не свойственны монографиям Деконда и Эммонс³, но в них не найти сколько-нибудь четкого анализа расстановки общественно-политических сил по вопросу о нейтралитете США и их отношении к революционной Франции.

В данной статье предпринята попытка дать ответ на некоторые вопросы. Какова была реакция различных слоев населения американского общества на нейтралитет и возможность вступления в войну на стороне Франции? Какое влияние оказало отношение к войне Англии с Францией на политическую жизнь в стране? Как стали возможны действия иностранного представителя, грубо и в течение долгого времени нарушавшего нейтралитет США?

При написании статьи источниками послужили переписка французских и английских дипломатов, документы и переписка государственных и общественных деятелей Соединенных Штатов.

Революция во Франции вызвала страх и ненависть феодально-абсолютистских режимов Европы. Осознавая грозившую им опасность, коронованные правители начали искать пути и средства удушения революции. Их открытая подготовка к военной интервенции во Францию и призывы Людовика XVI объявить европейским «тиранам» предупредительную войну привели к тому, что вопрос о назревавшей войне был вынесен на обсуждение Национального собрания. Абсолютное большинство депутатов стоя-

¹ Thomas C. M. *American Neutrality in 1793*. New York, 1931.

² Hyneman C. S. *First American Neutrality: Neutral Obligations during the Years 1792—1815*. Philadelphia, 1934.

³ Minnigerode M. *Jefferson, Friend of France*. New York, 1928; DeConde A. *Entangling Alliance*. Durham (N. C.), 1958; Ammon H. *The Genet Mission*. New York, 1973.

ли за войну. Ее желали дворянство, духовенство, генералитет королевской армии и сам король. Прикидываясь патриотом, Людовик XVI рассчитывал отвести от себя всякое подозрение революционных масс и укрепить свое положение. Вместе с тем он надеялся, что ему как главе правительства удастся открыть путь интервентам на Париж и создать условия для поражения революции⁴.

За предупредительную войну высказались жирондисты, представлявшие интересы преимущественно торгово-промышленной буржуазии. Внешне их позиции выглядели крайне революционно: они призывали, не дожидаясь интервенции, нанести по европейским деспотам упреждающий удар. В действительности же они надеялись победоносной войной добиться расширения границ Франции, усиления ее экономических позиций в Европе. К тому же, обеспокоенные растущей активностью народных масс, они хотели отвлечь их от социальных проблем, от дальнейшего развития и углубления революции и с их помощью прийти к политическому господству⁵.

За развязывание войны выступили и правые якобинцы. Они питали надежду, что предупредительная война обеспечит торжество буржуазной революции не только в своей стране, но и во всей Европе. Против войны были лишь вожди революционной демократии, считавшие, что стоявшие у власти представители господствующих классов приведут страну к оккупации иностранными войсками и гибели революции. В Национальном собрании, клубах и печати они доказывали, что сначала надо покончить с королем, контрреволюционным двором и духовенством, создать революционное правительство и новую армию, а затем уже думать о внешней революционной войне. Однако робеспьеристам не удалось сорвать антинародные замыслы сторонников войны. Широкие массы, искренне желавшие свободы всем народам, не сумели разобраться в этой слишком сложной для них борьбе и не пошли за робеспьеристами. 20 апреля 1792 г. Национальное собрание торжественно объявило войну Австрии. Против голосовали только семь человек во главе с Робеспьером⁶.

По мере того как Французская революция приобретала все более радикальный характер, в орбиту войны против нее втягивались новые государства. С конца 1792 г. курс на войну взяла Англия, дольше других государств Европы сохранявшая нейтралитет. Результаты четырех лет революции во Франции убедили английское правительство, что она ведет не к ослаблению страны, как надеялись в Лондоне, а, напротив, к усилению ее экономического и военного могущества⁷. Кроме того, английская буржуазия осознала, что революция в соседней стране не безопасна и для нее самой. Английский историк Мортон писал: «Якобинство означало натиск на привилегии, а в Англии привилегированным классом была не столько аристократия, сколько буржуазия»⁸. После казни короля, состоявшейся 21 января 1793 г., сент-жеймский кабинет выслал из страны французского посла и

порвал с Францией всякие отношения. 1 февраля 1793 г. Национальный конвент объявил Англии войну. И на этот раз против войны с Англией вместе с Робеспьером выступила лишь небольшая группа левых депутатов. Вслед за тем Франция объявила войну также Испании и Голландии.

Пока Франция вела сухопутную войну с Австрией и Пруссией, интересы Соединенных Штатов Америки фактически затронуты не были. Но вступление в войну крупнейших морских и колониальных держав, имевших владения в Новом Свете, не могло не сказаться на американской Республике. Можно было предвидеть, что каждая из этих держав будет стремиться воспользоваться плодами торговли с нейтральной страной, лишив противника этой возможности. Дело еще больше осложнилось тем, что формально оставался в силе франко-американский договор о союзе 1778 г., гарантировавший Франции ее вест-индийские колонии, весьма уязвимые вследствие того, что французский флот значительно уступал английскому⁴.

Потрясения в Европе сулили большие выгоды американской Республике, располагавшей крупным торговым флотом и излишками продовольствия. Страна была заинтересована в мире, чтобы реализовать в полной мере возможности развития, открывшиеся после победы в войне за независимость. Участие ее в европейской войне не соответствовало бы интересам и самой Франции. В связи с тем что у Соединенных Штатов не было боевого флота, вступление их в войну на стороне Франции принесло бы последней скорее вред, нежели пользу, так как лишило бы ее удобств, проистекавших из положения заокеанской Республики как нейтрального поставщика продовольствия. В Париже это сознавали и не пытались вовлечь США в войну на своей стороне.

Американо-французские отношения с начала Великой Французской революции до 1793 г. не были отмечены сколько-нибудь серьезными осложнениями. Практически все жители Америки, будь то республиканцы или федералисты, весть о революции в Париже встретили с большой радостью, видя в ней торжество того же дела, во имя которого они совсем недавно сражались с войсками британской короны. Важнейшие вехи Французской революции — разрушение Бастилии, принятие Декларации прав человека и гражданина, конституция 1791 г. — ассоциировались в умах американцев с их недавней борьбой за независимость, и многие склонны были искать истоки разразившейся за океаном

⁴ *Джеджула К. Е.* Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972, с. 326.

⁵ *История Франции*: В 3-х т. М., 1972, т. 2, с. 32—33.

⁶ *Джеджула К. Е.* Указ. соч., с. 327—329.

⁷ Там же, с. 352.

⁸ *Мортон А. Л.* История Англии. М., 1950, с. 289.

⁹ *Buel R., Jr.* Securing the Revolution. Ithaca, 1972, p. 39.

бури в недавнем прошлом своей страны¹⁰. Ключ от Бастилии, посланный Лафайетом в дар Вашингтону, как бы символизировал родство обеих революций¹¹.

Проявления солидарности широких масс американского народа с революционной Францией были многочисленными и разнообразными. Ставили «столбы свободы», носили фригийский колпак и трехцветную кокарду, устраивали веселые пиршества, на которых изощрялись в произнесении тостов за победу Франции над врагами, за триумф свободы и прав человека, пели французские революционные песни. Новости из Франции иногда занимали в газетах больше места, чем из самих Соединенных Штатов. Обращение «гражданин» и «гражданка» вошли в моду и использовались не только в повседневном обращении, но и в печати. Улицы и площади, носившие имена королей, получали новые названия во многих случаях в честь свободы и равенства. Все, что напоминало о временах монархии или казалось недемократичным, становилось предметом осмеяния и осуждения. Словом, Франция стала образцом для подражания, подобно тому как в годы революционной войны за независимость передовые круги Франции видели в боровшейся Америке идеал, к которому им следовало бы стремиться¹².

Когда в декабре 1792 г. в США стало известно о ликвидации монархии и победе над пруссаками у Вальми, Америку охватил бурный восторг. В истории того времени редко можно найти пример, когда народ одной страны так радовался бы победам другой, к тому же отдаленной на такое большое расстояние¹³. Однако казнь короля и особенно война с Англией были восприняты федералистами как тревожный сигнал, говоривший о настоятельной необходимости изменить свое отношение к бурным событиям за океаном¹⁴.

Период Французской революции совпал по времени с острой политической борьбой в США между республиканцами и находившимися у власти федералистами. В основе этой борьбы лежало то обстоятельство, что война за независимость была выиграна усилиями мелких фермеров и городского люда, но плодами победы воспользовались буржуазия и рабовладельцы — особенно те слои этих классов, которые объединялись в партию федералистов. Республиканцы не имели ясно выраженной программы, они просто критиковали все действия федералистского правительства.

В задачу данной статьи не входят исследование генезиса и анализ социально-классового состава этих аморфных группировок, и мы ограничимся лишь краткими замечаниями. Относительно их происхождения существуют две преобладающие точки зрения.

Одна, представленная, в частности, Ч. Бирдом, гласит, что конфликт между федералистами и республиканцами в 1790-х годах есть прямое продолжение борьбы между сторонниками и противниками конституции в 1787—1788 гг., в которой столкнулись интересы промышленников, торговцев и финансистов, с одной стороны, и аграриев — с другой¹⁵.

Критики этого взгляда, напротив, не видят никакой связи между партиями конца 1780-х и партиями 1790-х годов. Каннингем, например, считал, что с принятием конституции федералисты и антифедералисты как партии перестали существовать, а новые партии обязаны своим возникновением проведению финансовых мер в 1789—1790 гг.¹⁶ Отличались эти партии от своих предшественниц, по его мнению, тем, что начало их активности (1789 г.) было связано с иными, нежели принятие конституции, событиями, и именно поэтому налицо различие в их социальном составе. К примеру, штат Нью-Джерси, получивший известность как решительный противник конституции, стал в 1790-х годах сплошь федералистским¹⁷. Напротив, нью-йоркские мастера, выступавшие в 1787—1788 гг. на стороне партии Гамильтона, затем разочаровались в ней и перешли в лагерь республиканцев¹⁸. В Виргинии бывшие руководители федералистов образовали в 1790-х годах ядро республиканской партии штата. Сменили свою партийную принадлежность и ряд известных деятелей: федералист Мэдисон стал вторым по значению лицом в республиканской партии, а республиканцы П. Генри и Р. Ли перешли к федералистам.

Несмотря на эти различия между старыми и новыми партиями, как нам представляется, точка зрения Бирда является более обоснованной, чем взгляд его оппонентов, ибо старые и новые партии объединяла общая идейная направленность, служившая выражением интересов тех же классов и социальных слоев, что выявилось в несменяемости духовных вождей (Гамильтон и Джефферсон).

Обе группировки представляли собой организационно не оформленные коалиции разнородных сил, соотношение которых в каждом штате было иным. Партия федералистов объединяла преобладающую часть торгово-промышленной и финансовой буржуазии, часть рабовладельцев и фермеров, особенно производивших продукцию на экспорт в Англию, бывших тори, часть интеллигенции, ремесленников и рабочих. Оплотом федерализма, как и в конце 1780-х годов, были портовые города Новой Англии.

¹⁰ *Nickols R. F. The Invention of American Political Parties. New York, 1967, p. 184.*

¹¹ *Miller J. C. The Federalist Era, 1789—1801. New York, 1960, p. 126.*

¹² *Hazen C. D. Contemporary American Opinion of the French Revolution. Gloucester (Mass.), 1964 (1st printing, 1897), p. 182—187, 209 e. a.*

¹³ *Ibid.*, p. 164.

¹⁴ *Cunningham N. E., Jr. The Jeffersonian Republicans. Chapel Hill, 1957, p. 54.*

¹⁵ *Beard Ch. A. Economic Origins of the Jeffersonian Democracy. New York, 1927, p. 73—74.*

¹⁶ *Cunningham N. E., Jr. Op. cit.*, p. 23.

¹⁷ *Miller J. C. Op. cit.*, p. 102.

¹⁸ *Young A. F. The Democratic Republicans of New York: The Origins, 1763—1797. Williamsburg (Va), 1967, p. 202, 382.*

В республиканскую партию входили фермеры, преимущественно Юга и Запада, рабовладельцы, купцы и промышленники, в особенности связанные с торговлей с Францией. Росла опора среди ремесленников и рабочих, о чем свидетельствует, в частности, упомянутое изменение позиции нью-йоркских мастеровых¹⁹.

Формирование этих партий отражало широкий спектр противоречий тогдашнего американского общества — между плантаторами и торгово-промышленной буржуазией, богачами и неимущими, жителями побережья и фермерами внутренних районов. При всем том это были буржуазные партии, которые не имели принципиальных отличий. Республиканская партия, хотя и отличалась известным демократизмом, вовсе не собиралась менять существовавшую структуру распределения собственности. Как и федералисты, республиканцы в 1790-х годах объявляли себя горячими сторонниками конституции²⁰.

Небезынтересно отметить, что среди буржуазии, состоявшей в республиканской партии, было много лиц, разбогатевших во время революции. Объяснение этому найти нетрудно. Именно потому, что революция помогла им пробиться в верхи, общественные потрясения не только не пугали этих нуворишей — в отличие от давно «укоренившейся» буржуазии и чиновников, — а, напротив, позволяли надеяться на вытеснение последних с прочно удерживаемых позиций. Они инстинктивно чувствовали, что в американской Республике нет условий, которые породили бы осязательную угрозу их имущественным привилегиям, а если все же такой опасности суждено возникнуть, то никто не помешает им на время сомкнуть ряды с федералистами и устранить ее²¹.

После провозглашения республики в сентябре 1792 г. жирондисты развернули широкую пропаганду революционной войны за пределами Франции с целью революционного освобождения Европы. 19 ноября Национальный конвент принял декрет о помощи всем народам, желавшим низвергнуть своих тиранов²². Планы жирондистов были отмечены печатью авантюризма и политических иллюзий. Они не видели трудностей предстоявшей войны с контрреволюционной Европой. Будучи, как правило, адвокатами и литераторами, они не имели практического политического опыта и сильно переоценивали возможную действенность революционной пропаганды в соседних странах в случае вступления туда французских войск. Бриссо утверждал, что стоит только французской армии вступить в соседние страны, как народы восстанут, свергнут своих монархов и предложат Франции дружбу и братство. То был вывод из просветительской философии XVIII в., которая утверждала, что человеческая природа, естественные права человека, его потребности и устремления к свободе и равенству повсюду одинаковы²³.

В конце 1792 г. жирондисты решили заменить посланника в США Тернапа своим человеком. Выбор пал на Эдмона Шарля Жепэ — типичного жирондиста, разделявшего все их иллюзорные представления и идеи. Он был проникнут беспредельной ве-

рой в быстрое торжество революции во всех странах и полон презрения к дипломатическим обычаям, сложившимся при дворах абсолютистских монархий в XVI—XVIII вв. Подобно многим жирондистам, он питал слабость к фразерству, а при оценке влияния революционных идей на другие страны склонен был к преувеличениям, подчас принимал желаемое за действительное²⁴.

Инструкции для Женэ были составлены министром иностранных дел Лебреном в декабре 1792 г., т. е. в пору побед французских войск и упоения революционной пропагандой за пределами страны. Содержание инструкций отражало стремление Бриссо и его сторонников распространить «крестовый поход» против европейских монархов на их колониальные владения в Северной Америке. Желая привлечь США к исполнению своих планов если не в качестве воюющей на их стороне державы, то по крайней мере страны, соблюдающей весьма благожелательный к Франции нейтралитет, жирондисты считали возможным раздвинуть границы американской Республики за счет английских и испанских колоний. Забота жирондистов об увеличении территории США объяснялась и тем, что, по их мнению, обе страны были связаны узами «идеологического родства», т. е. наличием республиканского строя, установленного в результате революции.

Для инструкций характерны поэтому противоречивое отношение к нейтралитету США и грандиозность порученных новому посланнику задач. Он должен был завершить начатые Тернаном переговоры о заключении нового торгового договора «на широкой братской основе», в который предлагалось включить статью о недопущении в порты США и Франции судов из стран, сохранявших монополию колониальной торговли. Без особых на то оснований этому договору приписывалась чуть ли не чудодейственная сила. Он «быстро приведет, — гласили инструкции, — к освобождению Испанской Америки, открытию для жителей Кентукки навигации по р. Миссисипи, вызволению наших давнишних братьев в Луизиане из-под тиранического ига Испании и присоединит, возможно, к американскому созвездию прекрасную звезду — Канаду».

Инструкции вменяли Женэ в обязанность возобновить договор о союзе. Ему также поручалось вести через своих агентов революционную пропаганду в граничавших с США владениях Испа-

¹⁹ Miller J. C. Op. cit., p. 100—104, 108; Buel R., Jr. Op. cit., p. 73.

²⁰ Miller J. C. Op. cit., p. 102; Никифоров А. С., Савельев В. А. Конституция США: кодекс буржуазной демократии. — Вопр. ист., 1977, № 9, с. 91.

²¹ Goodman P. The Democratic Republicans of Massachusetts. Cambridge (Mass.), 1964, p. IX; Young A. F. Op. cit., p. 575.

²² Нарочницкий А. Л. Международные отношения накануне и во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. (1763—1794). М., 1946, с. 75.

²³ Там же, с. 67.

²⁴ Нарочницкий А. Л. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г. — Вопр. ист., 1954, № 34, с. 126.

нии и Британии. Лебрен выражал надежду, что жители Кентукки, среди которых тлео недовольство политикой Испании, запретившей проход их судов по р. Миссисипи, поддержат усилия Жене, направленные на организацию восстания в Луизиане. Вместе с тем в инструкциях содержались указания на необходимость завоевать доверие властей и считаться с нейтралитетом США, но эти слова не вязались с главными задачами миссии²⁵.

Но Жене превысил даже эти инструкции. Нарушения им нейтралитета США начались сразу же после его прибытия в Чарлстон (8 апреля 1793 г.). Неподдельный интерес и сочувствие народа, благоприятное отношение губернатора штата Моултри и других должностных лиц могли лишь укрепить Жене в его мнении о том, что администрация Вашингтона готова оказать всемерную поддержку Франции даже с риском войны с бывшей метрополией. Французский посланник дал указание наделить консульство Франции юрисдикцией призового суда и энергично приступил к снаряжению каперов. Уже через неделю он доносил в Париж, что одно каперское судно вышло в море и еще три вскоре последуют за ним. Английская торговля стала нести урон²⁶.

Все эти меры в нарушение нейтралитета США Жене предпринимал, даже не думая спрашивать согласия федерального правительства и не вручив еще президенту верительные грамоты. Он отправился в Филадельфию, тогдашнюю столицу Республики, по суше, хотя морской путь занял бы меньше времени. Дорога на север вылилась в нескончаемую вереницу адресов, всевозможных торжественных церемоний и обедов. Столица не была исключением — свой въезд в нее Жене назвал «триумфом свободы»²⁷.

Война между Францией и Англией затрагивала интересы Соединенных Штатов самым непосредственным образом, поставив федеральное правительство перед необходимостью определить свое отношение к конфликту. В том, что страна должна быть нейтральной, ни у кого из администрации сомнений не было. Однако проблема увязывания политики нейтралитета с обязательствами перед Францией не могла не вызвать разногласий между министром финансов Гамильтоном и госсекретарем Джефферсоном. Позицию Гамильтона нетрудно угадать, если учесть удельный вес Англии во внешней торговле США — на нее приходилось 90% всего объема внешней торговли Республики. Разрыв с Англией, не говоря об ущербе для многих купцов-федералистов, повлек бы крушение всей финансовой «системы Гамильтона», важнейшим источником доходов которой являлось таможенное обложение, имевшее к тому же и политические преимущества перед внутренними налогами. Это обстоятельство, помноженное на консерватизм лидера федералистов, и заставляло его развивать тезис о необходимости расторгнуть или по крайней мере приостановить договор 1778 г.²⁸

Для обоснования своей точки зрения Гамильтон привлек многочисленные аргументы. Тут и враждебные выпады против

Французской революции, обвинения ее в преступлениях, и моральные доводы, и ссылки на государственные интересы, и выкладки из сочинений по международному праву. Предоставление Францией широкой и всесторонней помощи США он ставил исключительно в заслугу Людовику XVI и делал отсюда вывод, что почетный долг США состоит в том, чтобы вступить в антифранцузскую коалицию и добиваться возвращения королевской династии на трон. Но так как это противоречило бы воле французской нации, неохотно признавал он, то лучшим выходом из положения было бы заявить при приеме нового посланника о приостановлении действия договора ²⁹.

Министр финансов воспользовался в своей аргументации также тем, что договор о союзе именовался оборонительным, и, игнорируя козни и подготовку к войне европейских монархов, тилился доказать неприменимость его к возникшей ситуации, поскольку война была объявлена Францией. И наконец, Гамильтон считал, что если в одной из каких-либо связанных договором стран произошла смена образа правления, приведшая к тому, что оставление соглашения в силе стало «бесполезным или пагубным» для другой, то эта последняя имеет полное право расторгнуть договор ³⁰.

Все эти доводы лидера федералистов были неприемлемы для Джефферсона. Его веру в прогрессивный характер Французской революции не поколебали сопутствовавшие ей эксцессы, он понимал их неизбежность во время переворотов таких огромных масштабов. Как бы возражая Гамильтону, он писал президенту, что договор 1778 г. заключен с французской нацией, а не с королем, и если во Франции сменился образ правления, то это не должно касаться союзника, тем более что там, как и в США, установили республиканский строй. Следуя теории общественного договора, отождествлявшей моральную ответственность страны с моральным долгом индивидуума перед своей совестью, Джефферсон полагал, что опасность не может служить поводом к отказу от выполнения своих обязательств. Если бы при возникновении

²⁵ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903. Washington, 1904, vol. 2, p. 201—211.

²⁶ Ibid., p. 211—213. Призовой суд — специальный суд, создаваемый во многих странах в период войны в своих портах, рассматривающий вопросы легализации захвата иностранных торговых судов и грузов как противника, так и нейтральных стран. Приз — имущество, захваченное в морской войне. Капер, или каперское судно, — частновладельческое судно, специально вооруженное с разрешения властей для военных действий против судов противника.

²⁷ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903, vol. 2, p. 214—215.

²⁸ DeConde A. Op. cit., p. 76; Buel R., Jr. Op. cit., p. 32.

²⁹ The Papers of Alexander Hamilton: Vol. 1—21 / Ed. by H. Syrett, J. Cooke. New York, 1961—1974, vol. 14, p. 367—368, 378—386.

³⁰ Ibid., p. 376—378, 398—408.

опасности одна из сторон была вправе объявлять договоры недействительными, то они не заключались бы вообще, писал он³¹.

В условиях, когда Французская республика не требовала и, похоже, не собиралась требовать от страны вступления в войну, Джефферсон считал разрыв с ней нецелесообразной мерой с точки зрения интересов самих же США. Государственный секретарь был не только против приостановления действия договора, но и не считал нужным немедленно обнародовать прокламацию о нейтралитете, надеясь на то, что у воюющих держав, особенно Англии, взамен ее удастся вырвать ряд уступок в пользу нейтральных стран³². Суть и смысл рассуждений и высказываний Джефферсона были таковы: нейтралитет страны должен быть по возможности доброжелательным к Франции. Нейтральная позиция такого рода не противоречила международному праву, и на практике наблюдалась гораздо чаще, чем случай строгого нейтралитета³³.

Мнение Джефферсона в отношении франко-американского договора держалось в русле политики реализма и потому получило согласие Вашингтона. Что же касается прокламации о нейтралитете, то президент не колеблясь издал ее. Прокламация, подписанная 22 апреля 1793 г., объявляла о намерении США проводить политику беспристрастного нейтралитета в начавшейся войне и предостерегала американцев от совершения действий, могущих нанести ущерб одной из воюющих держав. В документе указывалось, что лица, виновные в нарушении нейтралитета, подлежат судебному преследованию³⁴.

Итак, Соединенные Штаты обязывались соблюдать строгий нейтралитет, но на деле подобная политика была в интересах Британии. Президентская прокламация как бы объявляла недействительными преимущества, на которые могла рассчитывать Франция в соответствии если не с буквой, то с духом договора 1778 г. Она в равной мере игнорировала как большую помощь со стороны Франции во время войны за независимость и дружественную политику после войны, так и тот факт, что Британия еще недавно была военным противником, а после войны была настроена к США враждебно, что особенно проявлялось в нежелании оставить форты на Северо-Западе и вообще урегулировать спорные вопросы.

17 мая Вашингтон принял посланника. Постигшее Жене разочарование можно сравнить лишь с восторгом, который он переживал по дороге на север. Портреты Людовика XVI и членов его семьи, красовавшиеся на стенах кабинета, говорили о том, что Вашингтон не разделял горячих симпатий народа к революции за океаном. Согласно донесению Жене, президент говорил о Франции сухими фразами дипломатического этикета, словно революции и войны с коалицией не было и в помине³⁵.

Англия зорко следила за тем, чтобы ее противник не получил в США ощутимых преимуществ. Как только британский посланник Хэммонд узнал о деятельности Жене, в адрес админи-

страции Вашингтона посыпались протесты. Поднятые в них вопросы оставались неразрешенными в течение всего 1793 г. Один из них касался военных действий в водах, находившихся в юрисдикции США, где французский корабль захватил английское судно «Грейндж». Ссылаясь на международное право, Хаммонд с документами в руках доказывал неправомочность захвата судна и требовал его возвращения. В ходе произведенного кабинетом расследования выяснилось, что инцидент произошел в границах Делавэрского залива, на который, по мнению министров, распространялась юрисдикция Соединенных Штатов. Это было явное, не оставлявшее места для возражений нарушение нейтралитета, и Жене пришлось удовлетворить требование американского правительства. Однако в других случаях, когда кабинет не мог представить исчерпывающих доказательств, чему, в частности, мешало отсутствие границы территориальных вод, Жене отстаивал свою точку зрения с упорством и твердостью человека, до конца уверенного в своей правоте³⁶.

Способность кабинета добиться декларированного нейтралитета была подвергнута испытанию прежде всего в вопросе о снаряжении каперских судов в портах страны. Среди прочих вопросов морского нейтралитета США он выделялся своей весомостью. Причину того следовало искать как в большом числе нарушений нейтралитета, так и в том, что снаряжение каперов являлось коммерческим предприятием, пусть рискованным, зато сулящим необыкновенно высокую прибыль на вложенный капитал. Значимость этой проблемы возрастала и потому, что она порождала множество сложных, трудноразрешимых проблем, над которыми Вашингтону и его министрам пришлось изрядно поломать голову³⁷.

Еще одно осложняющее обстоятельство было связано с наличием во франко-американском договоре о дружбе и торговле 1778 г. статьи, налагавшей запрет на снаряжение в портах США каперов, предназначенных для военных действий на стороне противников Франции. Как можно было ожидать, Жене не преминул дать этой статье выгодное для своей страны толкование. Он категорически утверждал, что из запрещения снаряжать каперские суда для Британии вытекает разрешение снаряжать французские каперские суда.

³¹ The Writings of Thomas Jefferson: Vol. 1—20 / Ed. by A. Lipscomb, A. Bergh. Washington, 1905, vol. 3, p. 226—228; vol. 9, p. 9—13.

³² Ibid., vol. 9, p. 138—139.

³³ DeConde A. Op. cit., p. 195.

³⁴ The Writings of George Washington: Vol. 1—39 / Ed. by J. Fitzpatrick. Washington, 1931—1944, vol. 32, p. 430—431.

³⁵ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903, vol. 2, p. 244—252.

³⁶ The Writings of Thomas Jefferson, vol. 9, p. 74, 93—95; DeConde A. Op. cit., p. 206—208.

³⁷ Thomas C. M. Op. cit., p. 118.

Справедливость требует отметить, что такого мнения придерживался не один Женэ, его разделяли многие в Америке. Подобный взгляд якобы подкреплялся прецедентом, имевшим место во время войны США за независимость, когда в период тайной помощи Франция фактически не препятствовала вооружению американских каперов в своих портах.

Но если бы Женэ дал себе труд просмотреть тексты договоров Франции с другими государствами, он бы и в них нашел аналогичную статью. Чтобы быть последовательным, он должен был сделать вывод о том, что правители его страны подписывали заведомо невыполнимые соглашения, так как в случае войны Франции пришлось бы нарушить один договор, чтобы выполнить другой. Например, такая статья содержалась во франко-английском договоре, и если бы между Англией и США началась война, тогда, согласно аргументации Женэ, Англия была бы вправе снаряжать каперы в портах Франции, что противоречило бы ст. 22 франко-американского договора. Доводы Джефферсона в этом отношении были исчерпывающими, но Женэ они не убедили³⁸.

В ответ на протесты Хэммонда американское правительство в середине мая предупредило французскую сторону, что противозаконная практика снаряжения каперов встретит сильнейшее неодобрение правительства, а причастные к ней американские граждане будут сурово наказаны³⁹. Хотя о прокламации Женэ узнал еще в пути, требование кабинета показалось ему неожиданным и несправедливым. Он не скрывал своих дел в Чарлстоне. Напротив, Женэ с гордостью признавал, что снарядил не два, а больше каперских судов, которые уже успели взять призы и навести страх на англичан. В этом, однако, Женэ не видел нарушения нейтралитета, ибо, утверждал он, эти суда принадлежат французам, а не американцам. Кроме того, снаряжение осуществлялось с ведома властей штата и самого губернатора, молчаливо одобрявшего эти операции, заключал Женэ⁴⁰.

5 июня французскому посланнику было направлено требование вывести из портов США все вооруженные в них каперы⁴¹. Он не подчинился, и тогда правительство решило применить силу, но это не дало ожидаемого результата, так как военного флота у США не было⁴², да и сильные среди ополчения про-французские настроения иной раз проявлялись в отказе исполнять приказы против каперов⁴³.

По мере увеличения числа каперских судов Франции для них требовалось все больше американцев. Стимулируемое солидарностью к революционной Франции, а также жаждой наживы, комплектование команд шло как по маслу. Однако настало время подтвердить слова делами, и федеральные власти инспирировали судебный процесс против двух граждан Соединенных Штатов. Пытаясь спасти их от суда, Женэ доказывал их невиновность с помощью распространенного довода, согласно которому американцы при поступлении на французскую военную службу утрачивают гражданство своей страны и становятся подданными

Франции. Члены кабинета и Верховного суда единодушно отвергли подобное толкование ⁴⁴.

Суд над одним из арестованных, Хенфилдом, в сущности явился тяжбой между правительством США и посланником Франции. Важно было наказать нарушителя в назидание другим, поэтому Гамильтон и министр юстиции Рэндолф пустили в ход все свое влияние и юридические знания. Они составили обвинительный акт, неотрывно следили за процессом, направляя действия судьи и прокурора. Жэнэ, в свою очередь, оказал финансовую и иную поддержку защите.

Хотя вина подсудимого была очевидной, суд присяжных оправдал его. Хэммонд полагал, что состав присяжных был подобран обманным путем, но в этом, думается, не было особой нужды, так как население Филадельфии в подавляющем большинстве было настроено сочувственно к Франции. Возможно также, что присяжные, как и многие республиканцы, считали прокламацию о нейтралитете незаконной, поскольку она была актом исполнительной власти, к тому же самым значительным после принятия конституции ⁴⁵.

Оправдание Хенфилда вызвало всеобщее ликование профранцузских кругов. Заявлялось, что присяжные подтвердили право американцев сражаться во имя свободы и против угнетения и что была отвергнута федералистская доктрина о правомочности судов наказывать преступления против обычного права и права народов при отсутствии актов конгресса. Хенфилда, возведенного в ранг «достойного санкюлота», с триумфом водили по улицам города. Жэнэ, будучи уверен в том, что он нанес поражение ненавистному Вашингтону, отпраздновал победу банкетом в честь Хенфилда, а последний во всеуслышание заявил о намерении вновь принять участие в морских операциях. Не удивительно после этого, что посланник истолковал оправдательный приговор как подтверждение своего права вербовать американцев и в газетных объявлениях призывал всех «друзей свободы» поступать на французскую службу. Между тем для торжества не было особых оснований. Дело в том, что присяжные мотивировали свое решение рядом смягчающих обстоятельств, но при этом было указано на наказуемость подобных деяний ⁴⁶.

³⁸ *Thomas C. M. Op. cit.*, p. 126—128; *The Writings of Thomas Jefferson*, vol. 9, p. 188.

³⁹ *The Writings of Thomas Jefferson*, vol. 9, p. 93—95.

⁴⁰ *Hyndman C. S. Op. cit.*, p. 75.

⁴¹ *The Writings of Thomas Jefferson*, vol. 9, p. 109—111.

⁴² *Thomas C. M. Op. cit.*, p. 133.

⁴³ *Gilpatrick D. H. Jeffersonian Democracy in North Carolina, 1789—1816. New York, 1967*, p. 64.

⁴⁴ *Bowman A. H. The Struggle for Neutrality: a History of Diplomatic Relations between the United States and France, 1790—1801. Ann Arbor (Mich.), 1951*, p. 83—84.

⁴⁵ *DeConde A. Op. cit.*, p. 214—216.

⁴⁶ *Thomas C. M. Op. cit.*, p. 170—176.

Для выполнения грандиозных замыслов требовались деньги, и Женэ, не теряя времени, поднял перед американским правительством вопрос о досрочном погашении займа, сделанного в период войны за независимость. Не считая значительной безвозмездной помощи, Соединенные Штаты задолжали Франции к концу войны 35 млн. ливров. Хотя погашение долга должно было начаться с 1 января 1786 г., платежи начали поступать только в 1790 г., т. е. после создания правительства по новой конституции. В 1792 г. кабинет Вашингтона выплатил Франции раньше срока 4 млн. ливров для оказания помощи беженцам из Санто-Доминго (ныне Гаити), покинувшим колонию в связи с восстанием рабов. Остро нуждаясь в средствах, Франция решила добиваться досрочного погашения всего остатка задолженности (около 2462 тыс. долл.), выдвигая в качестве приманки довод, что эти деньги будут израсходованы в США на закупку провизии, корабельных припасов и т. д. Хотя условия предоставления займов оговаривали возможность выплаты раньше сроков, и, следовательно, со стороны Англии было бы неправомерным обвинять США в нарушении нейтралитета, правительство единодушно отклонило просьбу Франции. Как всегда, Женэ не признал ответ окончательным и продолжал настаивать на досрочном погашении, но это мало меняло дело ⁴⁷.

Чем заметнее сокращалась торговля Франции в Европе и реальнее становилась угроза полной изоляции, тем большую важность приобретали торговые отношения с США. Потребность в поставках из США возрастала и в связи с возникшими продовольственными трудностями, особенно на юге страны. Поэтому по прибытии в столицу США Женэ направил Джефферсону меморандум по вопросу о развитии торговли между двумя республиками, в котором сообщалось о последних декретах, открывших европейские и колониальные порты Франции для американских купцов на условиях обложения их товаров теми же пошлинами, что и французских. Таким образом, Франция удовлетворила почти все требования Соединенных Штатов, выдвигаемые чуть ли не со времени окончания войны за независимость. Однако односторонняя уступка Национального конвента не только не повысила интереса в США к заключению нового торгового договора, а, напротив, погасила стимул к этому. Кроме того, федералистский кабинет предпочел бы подписать торговый договор с Англией и не склонен был предпринимать шаг, который мог вызвать с ее стороны отрицательную реакцию. Все это и решило судьбу предложения Женэ: оно было положено под сукно ⁴⁸.

*

Влияние Французской революции на заокеанскую Республику проявилось, в частности, в учреждении и активной деятельности многочисленных народных обществ (клубов), которые обычно назывались демократическими или республиканскими. Беспочвен-

ность утверждений федералистов о том, что клубы основал Жене на французские деньги, видна хотя бы из того, что идея их создания была выдвинута еще в 1792 г. и первое общество возникло до приезда Жене. Всего насчитывалось 42 клуба, большая часть которых была создана в 1793—1794 гг. Общества в основном располагались в срединных и южных штатах, в особенности в портовых городах и селениях Запада ⁴⁹.

Верно, что возникновение народных обществ было бы немыслимо без наличия классовых противоречий и острой политической борьбы в стране, но бесспорно и то, что революция во Франции была мощным катализатором, вызвавшим и ускорившим процесс их образования. Общества возникли стихийно в том смысле, что лидеры республиканской партии не имели отношения к их созданию, и во многом напоминали организации «Сынов свободы» в годы Американской революции или якобинские клубы во Франции ⁵⁰. Объединяя наиболее деятельные силы республиканской партии на местах, клубы, в сущности, представляли собой лишь ее идейный авангард, и потому в их уставах и циркулярах не найти упоминания о задачах и принципах, более радикальных по сравнению с теми, которые имели хождение среди сторонников Джефферсона. Демократическое общество Пенсильвании (ведущее и одно из самых активных) и ряд других клубов выражали недовольство и опасения в связи с тем, что на почве Республики проросли «семена роскоши», что «гордость богатства и самонадеянность власти затемняют дух свободы и равенства», но подобные высказывания в духе уравниательства не выходили за пределы благих пожеланий ⁵¹.

Цели обществ заключались в первую очередь в сохранении завоеванных свобод и в моральной поддержке Французской революции. Хотя в их стремлениях не было ничего революционно-го, они навлекли на себя бешеные атаки федералистов, что на первый взгляд кажется непостижимым. Но стоит только учесть, какими способами клубы стремились воспрепятствовать утрате завоеванных свобод, в каком направлении толкало низы в США влияние революции за океаном, и реакция федералистов, выражаясь современным языком, обретет свойство безусловного рефлекса. По мнению клубов, после избрания органов власти народ не должен слепо верить в безупречность руководства, а, напротив, постоянно осуществлять свою волю, бдительно следя за действиями избранных лиц, чтобы сдержать сползание к деспотизму. По-

⁴⁷ The American Secretaries of State and their Diplomacy: Vol. 1—17 / Ed. by S. F. Bemis. New York, 1927—1967, vol. 2, p. 70—73.

⁴⁸ DeConde A. Op. cit., p. 212—213; The Writings of Thomas Jefferson, vol. 1, p. 393—396.

⁴⁹ Link E. P. Democratic-Republican Societies, 1790—1801. New York, 1942, p. 13—14.

⁵⁰ Palmer R. R. The Age of the Democratic Revolution, vol. 2. The Struggle. Princeton (N. J.), 1964, p. 529—530; Miller J. C. Op. cit., p. 97.

⁵¹ Hazen C. D. Op. cit., p. 192, 193.

сколькx народу, полагали общества, свойственна в этом отношении инертность, то необходимо как можно чаще напоминать ему об этом гражданском долге. Призыв клубов активно пользоваться демократическими правами, стремление завоевать влияние не только людей состоятельных, но и низов — вот что порождало злобу и ненависть федералистов. Воспоминания о восстании Шейса были еще настолько свежи, а картина самодеятельности народных масс во Франции настолько очевидной, что федералисты не могли сохранять благодушные ⁵².

Социальный состав народных обществ, как и всей республиканской партии, был разнородным. В цитируемой монографии Линка предпринята попытка детально исследовать состав двух клубов: демократического общества Пенсильвании и республиканского общества Чарлстона. Он выяснил, что около трети членов этих клубов приходилось на ремесленников и еще столько же на лиц, социальное положение которых в документах не указано и которых, следовательно, уместно отнести к городским низам. Остальная часть включала в себя представителей буржуазии и интеллигенции: купцов, промышленников, земельных спекулянтов, государственных служащих, юристов, врачей и др. Именно они выступали в качестве основателей и руководителей обществ, направлявших их деятельность и державших под своим контролем низы. Негров и законтрактованных слуг среди членов клубов не отмечено ⁵³.

Укрепление дружбы с Францией, поддержка революционной борьбы ее народа занимали важное место в деятельности обществ. Они придавали огромное значение событиям за океаном, нередко подчеркивая мысль, что их исход определит судьбы всего мира. «От достижения великих целей революции во Франции зависит не только будущее счастье и процветание французов, но и всего человечества», — говорилось в заявлении Массачусетского конституционного общества ⁵⁴.

Для федералистов не составляло секрета, что горячие встречи и чествования Женэ республиканцами наряду с изъявлением чувств солидарности с революционной Францией имели своей подоплекой и чисто практические соображения. В условиях политических битв республиканцам казалось, что в лице нового посланника они обрели союзника, способного внести большой вклад в умножение и укрепление их рядов. Вольно или невольно они закрывали глаза на его деятельность в Чарлстоне. Всеобщая иллюзия захватила и Джефферсона, вынесшего от первой беседы с посланником то впечатление, которое он заранее составил о нем. «Ничто не может быть более дружественным, более великодушным, чем содержание его миссии... Он предлагает все и ничего не требует», — писал государственный секретарь своему единомышленнику ⁵⁵.

Все республиканцы были едины в своих пожеланиях успеха Французской революции, но коль скоро речь заходила о конкретных делах, мнения расходились. Иначе и быть не могло при пест-

роде социального состава их рядов, разноречивости их интересов. Подавляющая часть республиканцев не доводила свой протест против прокламации о нейтралитете до требования вступить в войну — ее бы удовлетворил доброжелательный к Франции нейтральный курс⁵⁶. Определенная часть была настроена решительно, считая необходимым объявить войну Англии либо помочь Франции волонтерами. Настроение и мысли этого круга республиканцев выразил Брэкенридж, крупный землевладелец и романист, писавший: «Если короли объединяются для поддержки королей, почему бы не объединиться республикам для поддержки республик?». Орган республиканской партии «Нэшнл газет» только в мае 1793 г. не менее 2 раз помещал материалы с требованием решительного вмешательства⁵⁷.

Однако самое веское слово сказали пизы, особенно жители Филадельфии — оплота республиканизма. Вспоминая много лет спустя об их стихийных выступлениях, тогдашний вице-президент Джон Адамс писал: «Десять тысяч человек на улицах Филадельфии угрожали вытащить Вашингтона из его дома или заставить нас объявить войну на стороне Французской революции против Англии»⁵⁸. Хотя, по всей вероятности, Адамс преувеличивал (население столицы составляло тогда 55 тыс. человек), нарисованная им картина достаточно впечатляющая.

Стремление республиканцев внести свою лепту в торжество революции за океаном находило проявление и в других формах. Они бдительно следили за тем, чтобы английские каперы не снаряжались в портах США. Так, когда республиканскому обществу Чарлстона стало известно о вооружении английского каперского судна, оно, видя медлительность федеральных властей, взяло на себя роль хранителя нейтралитета. Общество направило к капитану судна комиссию, которая потребовала снять установленные орудия. Так как этот шаг результатов не дал, общество вызвало войска, и капитану пришлось подчиниться⁵⁹.

Газета «Нью-Йорк джорнал» обратилась к читателям с призывом организовать сбор средств в помощь Франции, а фермерам рекомендовала увеличить для этой цели производство пшени-

⁵² Link E. P. Op. cit., p. 113, 117—118.

⁵³ Ibid., p. 71—73, 97. Последующие исследования внесли некоторые поправки в данные Линка: обнаружено, что по своему социальному и профессиональному составу общества были более разнородными, а государственных служащих, купцов и промышленников оказалось больше, чем считал Линк. См.: The Democratic-Republican Societies, 1790—1800 / Ed. with an Introd. by Ph. S. Phoner. Westport (Conn.), 1976, p. 7—8.

⁵⁴ Hazen C. D. Op. cit., p. 194.

⁵⁵ The Writings of Thomas Jefferson, vol. 9, p. 97.

⁵⁶ The Autobiography of James Monroe / Ed. and with an Introd. by S. Brown. New York, 1959, p. 54.

⁵⁷ Buel R., Jr. Op. cit., p. 48; Palmer R. R. Op. cit., vol. 2, p. 529.

⁵⁸ Цит. по кн.: Очерки новой и новейшей истории США / Под ред. Г. Н. Сословьянова. М., 1960, т. 1, с. 127.

⁵⁹ Jackson M. H. Privateers in Charleston, 1793—1796. Washington, 1969, p. 22.

цы⁶⁰. По пути следования Женэ в Филадельфию фермеры изъявляли ему готовность продавать Франции муку и другую провизию по более дешевой цене, чем другим странам⁶¹.

Некоторые республиканские газеты призывали американцев отправляться добровольцами за океан на защиту революции. Известны случаи службы американцев в действующей французской революционной армии⁶². При всем том нельзя не заметить, что примеров бескорыстной помощи Франции было немного. Как правило, республиканцы, не стоявшие за войну, не мыслили свой вклад в дело победы революции в отрыве от поисков путей собственного обогащения, поэтому развитие торговли представлялось им лучшим способом поддержания Франции.

Вопрос об отношении к революционной Франции стал одним из злободневных вопросов борьбы между республиканцами и федералистами. Никого не оставляя равнодушным, он служил как бы признаком партийной принадлежности, с неизбежностью вел к поляризации политических сил. «Война между Францией и Англией выявила республиканцев и монократов (т. е. федералистов.— *Н. К.*) настолько открыто в каждом штате, что совершенно очевидна их относительная численность»,— писал Джефферсон в конце июня 1793 г.⁶³

Бурное выражение народом чувств приверженности к революционной Франции дало Женэ повод думать, что прокламация о нейтралитете является произвольным актом кучки пробритански настроенных элементов, узурпировавших власть в стране и не пользовавшихся авторитетом. Он упускал из виду штаты Новой Англии, где, как упоминалось, позиции федералистов были наиболее прочными. Да и в самой Филадельфии, не говоря уж о других городах, имелась влиятельная и многочисленная группа купцов, которые находили, что строго нейтральный курс всецело отвечал их интересам. В день прибытия Женэ в столицу они провели совещание, на котором приняли резолюцию с одобрением прокламации. Вдобавок Женэ ложно понимал изливание чувств в поддержку революции как готовность действовать, хотя одно было подчас далеко от другого⁶⁴.

Ввиду заблуждений Женэ о социальной базе политики нейтралитета не приходится удивляться, что постановления правительства о каперах не соблюдались. Это вскоре привело к напряженным отношениям между кабинетом Вашингтона и французской дипломатией в США. Особенно острая ситуация возникла во время инцидента с капером «Маленький демократ» (бывший английский бриг «Маленькая Сара»). На этом судне в первых числах июля завершалась установка орудий, и оно готовилось приступить к охоте за судами противника. Власти решили убедить Женэ отсрочить выход корабля на несколько дней — до приезда Вашингтона в столицу из своего имения. С этой целью губернатор штата Пенсильвания Миффлин направил к посланнику своего секретаря Далласа. Выслушав просьбу, Женэ произнес яростную филиппику в адрес правительства, содержащую угрозу

обратиться через голову президента к народу. Тогда государственный секретарь явился к нему лично. На сей раз гневные тирады сменились заверениями, что, хотя капер и спустился вниз по р. Делавэр, его выход в море будет отложен на несколько дней. Джефферсон понял это как обещание ждать распоряжения президента⁶⁵.

Министры отдавали себе отчет в том, что снаряжение каперских судов в столичном порту убеждает Англию в нарушении Соединенными Штатами нейтралитета. Надо было действовать, и действовать быстро. Джефферсон, Гамильтон, Нокс, не дожидаясь прибытия президента, собрались на совещание. Гамильтон и Нокс высказались за самые решительные действия вплоть до обстрела судна в устье реки, против чего категорически возражал Джефферсон. Он привел убедительные аргументы: подобные крайности могут вызвать резкое ухудшение отношений с Францией, тогда как в случае выхода капера в море Англию можно будет успокоить разъяснениями о принятых мерах.

Джефферсон указал коллегам на несовместимость их предельно жесткой позиции по отношению к Франции со снисходительным отношением к произволу Британии на море. «Это непоследовательно, — говорил он, — когда нация, которая 10 лет терпеливо сносила самые большие обиды и оскорбления, из-за мелочи выступает против своих друзей и благодетелей... Я не буду ублажать коалицию королей зрелищем того, как две единственные на земле республики уничтожают друг друга из-за двух пушек; я не хочу, чтобы США присоединились к этой коалиции, склонили чашу весов и своими руками нанесли надеждам человечества последний удар». Однако убедить лидера федералистов пойти на ухудшение отношений с Англией было невозможно. Решили ждать президента⁶⁶.

Нечего и говорить, Вашингтон пришел в крайнее раздражение⁶⁷. Правительство обратилось к французскому и британскому посланникам с требованием задержать выход в море судов, в отношении которых велось расследование в связи с обвинениями в нарушении нейтралитета. По-прежнему придерживаясь собственного истолкования статьи торгового договора о снаряжении каперов, Женеэ игнорировал требование. Через несколько дней каперское судно вышло в открытое море⁶⁸.

⁶⁵ *Young A. F.* Op. cit., p. 350.

⁶⁶ *Hazen C. D.* Op. cit., p. 176.

⁶⁷ *Link E. P.* Op. cit., p. 46, 55—56.

⁶⁸ *The Writings of Thomas Jefferson*, vol. 9, p. 148.

⁶⁹ *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903*, vol. 2, p. 217, 245; *Woodbury T.* *Public Opinion in Philadelphia, 1789—1801*. Northampton (Mass.), 1920, p. 79.

⁷⁰ *DeConde A.* Op. cit., p. 217—219.

⁷¹ *The Writings of Thomas Jefferson*, vol. 1, p. 363—369.

⁷² *The Writings of George Washington*, vol. 33, p. 4.

⁷³ *Thomas C. M.* Op. cit., p. 141—142.

В связи с тем что Жене своим грубым вмешательством в дела США доставлял федералистам все новые аргументы против поддерживавшей его республиканской партии и революционной Франции, лидеры партии принуждены были задуматься о своем дальнейшем отношении к эmissару жирондистов. В течение некоторого времени Джефферсон упорно пытался уверить Жене в пагубности его опрометчивого поведения, хотел «опровергнуть сложившееся у того опасное мнение, что он может апеллировать от президента к конгрессу и от президента и конгресса к народу»⁶⁹. Так как инцидент с капером показал всю тщетность подобных попыток, оставался один выход — отмежеваться от посланника и потребовать его смещения⁷⁰.

Теперь, когда в лице государственного секретаря Жене потерял единственную опору в правительстве, его судьба была решена самым будничным образом. В начале августа кабинет единодушно постановил потребовать отзыва Жене. При этом Гамильтон настаивал на опубликовании своего рода «обращения к народу» в виде обоснования правомерности просьбы об отзыве с приложением дипломатической переписки. Более того, он добивался включения в документ слов осуждения в адрес Франции. Ему надо было доказать, что действия Жене не проявление во многом своеволия отдельного лица или политики определенного режима, а отражение кардинальных принципов внешней политики революционной Франции. Однако эти нападки были успешно отбиты Джефферсоном при поддержке министра юстиции и предложение Гамильтона отложили⁷¹.

Между тем революция во Франции шла к своей высшей точке. Позиции якобинцев крепили. В связи с трудным положением на фронтах Конвент 6 апреля 1793 г. образовал Комитет общественного спасения, в котором якобинцы Дантон и Баррер ведали иностранными делами. Надеясь путем мирных переговоров и уступок расчленить коалицию монархов, Дантон провел 13 апреля декрет, провозглашавший полное невмешательство Франции во внутренние дела других народов и означавший отказ от революционной пропаганды за границей.

В начале июня народное восстание в Париже привело к падению жирондистского режима и установлению революционно-демократической диктатуры якобинцев. Внешняя политика якобинцев не имела ничего общего с авантюризмом жирондистов. Робеспьер выступал против пропаганды за границей и бумажных дипломатических проектов, не подкреплённых реальной военной силой. Источник мощи Франции Робеспьер видел в консолидации революции, а не в территориальной экспансии⁷². 7 июня Комитет общественного спасения одобрил инструкции дипломатическим агентам Республики, в которых предлагалось не вмешиваться в борьбу между партиями в стране пребывания⁷³.

Деятельность Жене получила суровое осуждение в якобинском клубе. Якобинцы считали, что этот агент Бриссо и Лебрена намерен посорить Францию с Соединёнными Штатами. 8 июня

Шабо заявил в клубе: «Возможно, что в данный момент английская Америка выскажется против нас, так как брат Бриссо, который послан туда, там уже довольно „набриссотиловал“»⁷⁴.

По получении от Жене первых делеш (в конце июля) новый министр иностранных дел Дефорж сурово отчитал его. Указав на то, что Исполнительный совет ни в коем случае не мог наделять своего агента полномочиями «проконсула», Дефорж винил ставленника жирондистов в том, что он поддерживает сношения не с правительством, а с частью народа, выступая как бы в роли руководителя одной из американских партий. Министр дал Жене наказ завоевать доверие президента и конгресса⁷⁵.

Французский посланник создавал угрозу нейтралитету США не только на море, но и во внутренних районах. Здесь нарушения затрагивали преимущественно Испанию, которая сама по себе едва ли могла быть опасным противником для американской Республики, если бы дело дошло до войны. Но, к немалому удивлению современников, 25 мая 1793 г. произошло событие, которое изменило положение коренным образом. В этот день испанская монархия, движимая страхом за свой трон и ненавистью к революции, заключила военный союз с Британией. На время, были забыты вековые обиды и распри. Традиционный враг Испании стал союзником, а союзник — врагом.

Следует учесть, что отношения между Филадельфией и Мадридом были и без того натянутыми. Нерешенные проблемы в испано-американских отношениях восходили большей частью к периоду войны за независимость. Так, шел спор из-за северной границы Флориды, отошедшей по мирному договору 1783 г. к Испании. Но гораздо острее для американцев была проблема судоходства по р. Миссисипи в нижнем ее течении. Мирный договор США с Британией зафиксировал право первых на свободное судоходство по великой реке «от моря и до моря». Однако Испания, завладевшая обоими берегами реки, естественно, не считала себя связанной договором, заключенным Соединенными Штатами с третьим государством. Она притязала на исключительное право судоходства южнее 31° с. ш. и запретила проход американских кораблей⁷⁶.

Кроме того, между США и Испанией шло соперничество за власть над индейскими племенами, обитавшими на спорной тер-

⁶⁹ The Writings of Thomas Jefferson, vol. 9, p. 146.

⁷⁰ Ibid., p. 211.

⁷¹ Ibid., vol. 1, p. 379—383.

⁷² Нарочницкий А. Л. Международные отношения..., с. 80—81.

⁷³ Goetz-Bernstein H. A. La diplomatie de la Gironde. Paris, 1912, p. 393.

⁷⁴ Цит. по ст.: Нарочницкий А. Л. Якобинская республика..., с. 128.

⁷⁵ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903, vol. 2, p. 228—231.

⁷⁶ Bemis S. F. Pinckney's Treaty. A Study of American Advantage from Europe's Distress, 1783—1800. Baltimore, 1926, p. 47—54, 191—192. Автор признает обоснованность притязаний Испании.

ритории Запада. По большей части индейцы тяготели к Испании: ведь заселение Запада ставило под вопрос само их существование. Да и Мадрид не мог не усмотреть в переселенцах своих потенциальных врагов. Общий страх перед ними делал испанцев и индейские племена естественными союзниками. В целях защиты своих колоний Испания, помимо оказания поддержки индейцам, прибегала также к обходным маневрам и уступкам, пыталась проявлять гибкость. Мадрид взял курс на то, чтобы привлечь поселенцев на свою сторону, «приручить» их. Поддерживались и разжигались сепаратистские тенденции на Юго-Западе, особенно в Кентукки, питательной почвой которых было недовольство поселенцев политикой федерального правительства, выражавшего интересы в первую очередь торговой буржуазии. Испанский двор хотел, чтобы Юго-Запад стал самостоятельным государством, послушным его воле. Мадрид открыл Миссисипи для американцев за небольшую пошлину и разрешил им иметь склады товаров в Новом Орлеане. Однако все эти меры не давали желаемых результатов: поселенцы предпочитали быть гражданами американской Республики, а не феодальной монархии с ее многочисленными путами и ограничениями⁷⁷.

Следует заметить, что надежда жирондистов опереться на жителей Кентукки при организации восстания, в отличие от многих других замыслов Бриссо и его сподвижников, не была плодом фантазии, а основывалась на хорошем знакомстве с местными условиями. Учитывались при этом и симпатии к Франции. Желание получить удобный выход к морю поселенцы на Западе считали достаточным основанием для захвата владений соседнего государства. Методы международного разбоя, к которым они готовы были прибегнуть при реализации своих экспансионистских устремлений, прикрывались рассуждениями (можно допустить, что вполне искренними) о необходимости прийти на помощь борющейся Франции. Наибольшую активность при организации вторжения проявил Джордж Роджерс Кларк, приобретший известность во время войны за независимость удачным рейдом на Запад.

В феврале 1793 г. Кларк направил во Французское посольство письмо, в котором просил принять его на службу, предоставить небольшие денежные средства и дать согласие на вербовку волонтеров. Кларк выражал уверенность, что благодаря своей популярности сумеет сформировать отряд, способный с помощью двух-трех французских кораблей взять Новый Орлеан и всю Луизиану. Наградой добровольцам должна была служить земля за рекой Миссисипи. Проблема того, как при этом избежать разрыва отношений с Испанией, решалась в проекте бравого генерала довольно просто: собравшись за пределами страны, волонтеры примут французское гражданство⁷⁸.

Вплотную уделить внимание этой авантюре Жено смог лишь в начале июля 1793 г. Готовя своего агента к поездке в Кентукки, он решил заручиться содействием Джефферсона как частного

лица. По просьбе Жене государственный секретарь написал для агента рекомендательное письмо к губернатору штата Кентукки, Жене зачитал Джефферсону написанные им воззвания к населению Луизианы и Канады, а также подробно ознакомил с планом вторжения в Луизиану. Ответная реакция Джефферсона небезынтересна. Он не возражал против организации восстания, однако предупредил, что участники вторжения, если таковое состоится, будут приговорены к смертной казни⁷⁹. Согласно версии Жене, Джефферсон дал понять, что «небольшое самочинное вторжение⁸⁰ жителей Кентукки в Новый Орлеан может ускорить дело»⁸¹. Если даже оставить слова Жене в стороне как недостоверные, основанные на недоразумении и склонности к преувеличениям, вполне очевидно, что приверженность к Франции взяла у Джефферсона верх над обязанностями по обеспечению нейтралитета страны.

В середине сентября Кларк получил от Жене громоздкую должность «главнокомандующего независимого и революционного легиона Миссисипи» и полномочия привлекать на французскую службу поселенцев и индейцев. Идея вторжения получила одобрение со стороны демократических обществ Запада. Так, клуб в Лексингтоне принял энергичную резолюцию с пожеланием, чтобы «президенту и конгрессу была направлена смелая, вежливая и решительная ремонстрация» и чтобы блокирование Миссисипи Испанией было подвергнуто испытанию посылкой по реке американского корабля. Этот клуб провел по подписке сбор военных и других припасов, а также денежных средств⁸².

Организация отряда в Кентукки была лишь частью обширного плана изгнания Испании из Северной Америки. В Южной Каролине шло формирование отряда во главе с Тейтом, который должен был соединиться с Кларком и принять участие в нападении на Новый Орлеан. В Джорджии некий полковник Хэммонд занимался вербовкой в «революционный легион обеих Флорид», предназначенный для наступления на Сент-Огастин. Этот список флибустьеров замыкал Элайджа Кларк, также набиравший волонтеров для вторжения во Флориду⁸³.

⁷⁷ Bemis S. F. Op. cit., p. 55—68; Whitaker A. P. The Spanish-American Frontier, 1783—1795. Lincoln, 1969, p. 81.

⁷⁸ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1896. Washington, 1897, vol. 1, p. 967—977.

⁷⁹ The Writings of Thomas Jefferson, vol. 1, p. 361—363.

⁸⁰ Можно предположить, что Джефферсон употребил слово eruption (восстание), звучащее одинаково со словом irruption (вторжение), и для буйной фантазии Жене этого оказалось достаточно, чтобы невольно извратить смысл заявления собеседника.

⁸¹ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903, vol. 1, p. 221.

⁸² Link E. P. Op. cit., p. 139.

⁸³ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1897. Washington, 1898, vol. 2, p. 569 e. a.

Хотя организаторы вторжения утверждали, что ими движет единственное стремление помочь делу свободы, за которое сражается Франция, их основной заботой являлся захват земель, удобных путей сообщения и портов для сбыта продукции. Кое-кто был заинтересован в аванюре и по частным соображениям. Ряд купцов, например, хотели перехватить у своих английских конкурентов выгодную торговлю с индейцами. Некоторые землевладельцы, такие, как губернатор Моултри, связывали с вторжением надежды на повышение стоимости своих участков земли⁸⁴.

Вся подготовка к походу совершалась фактически открыто и вскоре привлекла внимание администрации испанских колоний. Еще в конце августа испанские уполномоченные в Филадельфии сделали правительству США представление по поводу приготовлений к вторжению. Встревоженный губернатор Луизианы и Западной Флориды в депешах правительству жаловался на плохое военное состояние владений, просил подкреплений⁸⁵. Чтобы не допустить опасного развития событий, властям штатов осенью 1793 г. и в начале 1794 г. были отданы распоряжения сорвать приготовления к военным действиям. В силу ряда причин — удаленности от столицы, заинтересованности местных должностных лиц в аванюре и др. — меры правительства не дали нужного результата⁸⁶.

Тем временем внимание французской дипломатии в США было отвлечено от проектов вторжения новыми проблемами, возникшими в связи с приходом в Нью-Йорк французской эскадры из Санто-Доминго, объятых пламенем восстания рабов. Предстояло успокоить волнения среди моряков эскадры, а также позаботиться о беженцах из колонии, число которых составляло около 10 тыс. В начале августа Женэ поспешил в Нью-Йорк⁸⁷.

Хотя в этом городе влияние республиканцев, возглавляемых губернатором штата Клинтоном, было гораздо слабее, чем в столице, оно продолжало расширяться. События за океаном постепенно втягивали в свой водоворот общество св. Таммани — вопреки провозглашенным намерениям стоять в стороне от политики и заниматься только вопросами взаимопомощи. В мае 1793 г. празднование им дня своего основания превратилось в чествование Французской революции. То же самое произошло и в день независимости 4 июля, который в отличие от предыдущих лет отмечался более широко и ярко. Члены общества мастеровых, общества св. Таммани, офицеры ополчения, другие республиканцы собрались в одной из церквей города, где прослушали проповедь в защиту Французской революции⁸⁸.

За неделю до прибытия Женэ ньюйоркцы с захватывающим интересом наблюдали за поединком между французским фрегатом «Амбюскад» и английским кораблем «Бостон». Напряжение в городе во время боя достигло большого накала, кое-где начались потасовки. К великой радости республиканцев, «Бостон» был обращен в позорное бегство. Для встречи посланника на митинге, собравшем от 300 до 1000 человек, была образована большая

комиссия. На свой лад готовились и пробританские круги. Федералистская торговая палата приняла резолюцию, в которой осуждала снаряжение канеров, вербовку моряков и попытки поддерживать отношения с нацией в обход президента ⁸².

Как и в других городах, в Нью-Йорке посланнику Франции устроили пышный прием, во время которого Жене снова позволил себе высказывания против правительства США, обвинив его в участии «во всеобщем заговоре тиранов против свободы». Однако у республиканцев города было собственное мнение о нейтральной политике страны. Упомянутая комиссия после встречи посланника подтвердила свою «непоколебимую приверженность» революционной Франции, но вместе с тем подчеркнула важность соблюдения строгого нейтралитета и рекомендовала своим сторонникам принять участие в организованном федералистами митинге в поддержку политики президента ⁸³.

Опрометчивые слова эmissара жирондистов в адрес президента, пользовавшегося значительным авторитетом, давали в руки федералистов острое оружие в их борьбе против республиканской партии и влияния Французской революции. Поэтому высказывание Жене стало достоянием влиятельной федералистской прессы, которая в своем стремлении очернить Французскую революцию отождествляла действие дипломата с политикой властей революционной Франции ⁸⁴.

Федералистская кампания в печати сопровождалась проведением по всей стране митингов и собраний, на которых принимались резолюции в поддержку президента и против вмешательства иностранцев во внутренние дела страны ⁸⁵. Атаки федералистов подрывали позиции республиканской партии. В переписке республиканских лидеров звучала тревога в связи с пагубными последствиями опрометчивых шагов Жене. В ответ на действия федералистов Мэдисон и Монро развернули на Юге кампанию в защиту Французской революции. Все это пробуждало народные массы к политической активности, способствовало формированию политических партий ⁸⁶.

Во франко-американских отношениях с 1793 г. все большую остроту приобретал вопрос о нейтральных правах. Надо припомнить, что по договору 1778 г. о дружбе и торговле США и Фран-

⁸² Link E. P. Op. cit., p. 68—69; Ammon H. Op. cit., p. 45.

⁸³ Annual Report of the American Historical Association for the Year 1896, vol. 1, p. 996—999, 1905.

⁸⁴ Hyneman C. S. Op. cit., p. 135—136; Thomas C. M. Op. cit., p. 185—186.

⁸⁵ DeConde A. Op. cit., p. 275—279.

⁸⁶ Young A. F. Op. cit., p. 350—353.

⁸⁷ Young A. F. Op. cit., p. 354—356; DeConde A. Op. cit., p. 285—286.

⁸⁸ Young A. F. Op. cit., p. 356—357.

⁸⁹ DeConde A. Op. cit., p. 285—286.

⁹⁰ The Writings of George Washington, vol. 33, p. 47—49, 54—55 e. a.

⁹¹ The Writings of James Madison: Vol. 1—9 / Ed. by G. Hunt. New York, 1900—1910, vol. 6, p. 139, 191—192, 197; Ammon H. Op. cit., p. 132, 136—140.

ция обязывались следовать принципу «свободные корабли — свободные товары», т. е. суда нейтральных стран имели право перевозить во время войны товары невоенного характера всех — в том числе и воюющих — стран. Однако Англия не признала новый принцип и захватывала французскую собственность, доставляемую судами США. Женэ требовал принять меры к защите флага США. Однако американское правительство из-за отсутствия боевого флота и нежелания обострять отношения с Англией⁹⁴ приступило к действиям только в начале следующего года, когда разбой английских кораблей, многократно усиленный, чуть не привел к войне между США и Англией⁹⁵.

Канада не занимала такого места в замыслах жирондистов, как Луизиана и Флорида, и практические шаги, предпринятые Женэ с целью вторжения на ее территорию, были куда меньше по своим масштабам, чем при подготовке «освобождения» испанских колоний. В Нью-Йорке удалось набрать, экипировать и кое-как обучить отряд волонтеров численностью около 70 человек. Но отряд взбунтовался, видимо из-за неуплаты жалованья, и был распущен⁹⁶. В Канаду направили одного из сотрудников французского посольства. Выполняя инструкции Женэ, он попытался основать газету для ведения агитации среди франкоканадцев, но потерпел неудачу. Хотя Французская революция и оказала на Канаду ощутимое влияние, в целом там не было предпосылок для отделения от метрополии⁹⁷.

Осуждение новым режимом Франции действий Женэ, как уже отмечалось, не привело к его немедленному отзыву. Причина этого заключалась отчасти в том, что внешней политикой руководили правые якобинцы, отличавшиеся непоследовательностью в проведении курса на упрочение дружбы с нейтральными странами. Однако, если у Комитета общественного спасения и были колебания по поводу отзыва Женэ, они закончились, как только американский посол Г. Моррис передал Дефоргу письмо Джефферсона (8 октября 1793 г.). В считанные дни Комитет вынес решение отозвать Женэ и доставить в Париж под арестом, где его почти наверняка ждала гильотина⁹⁸.

Нельзя не видеть, что Женэ оказался не в состоянии понять расстановку политических сил в США; для него американская Республика являлась чем-то вроде провинции революционной Франции. В силу этого все надежды на уход федералистского правительства в отставку он стал связывать с предстоявшей в декабре 1793 г. сессией конгресса, который Женэ отождествлял с Национальным конвентом. Однако расчеты эмиссара жирондистов не оправдались: нейтралитет был одобрен⁹⁹.

С прибытием в Филадельфию (конец февраля 1794 г.) комиссаров-якобинцев во главе с новым посланником Фоше пришел конец не только карьере Женэ, но и жирондистским проектам вторжения в испанские колонии. 6 марта в одной из столичных газет появилось распоряжение комиссаров об отмене всей затеи по вторжению и об аннулировании договоров о приеме американ-

цев на французскую службу. Но это не обескуражило французского консула Мангури, руководившего военными приготовлениями в южных штатах. Он заявил командирам отрядов, что не верит в подлинность приказа, и дал указание не ослаблять подготовку к походу. Одновременно Мангури в письмах Фоше умолял не дать погибнуть делу, которое потребовало многих усилий¹⁰⁰.

К этому времени осложнились отношения США с Англией, и опасения быть вовлеченными в войну с двумя государствами заставляли правительство действовать с большей решительностью в целях срыва намеченного вторжения и улучшения отношений с Испанией. Не полагаясь на действенность приказа комиссаров, 24 марта 1794 г. президент издал новую прокламацию о нейтралитете, запрещавшую гражданам США участвовать в нападении на испанские владения, а неделю спустя войскам на Западе был отдан приказ построить специальный форт на р. Огайо для задержания отряда Кларка. Меры, принятые правительствами революционной Франции и Соединенных Штатов, дали свои результаты. Разочарованным волонтерам ничего не оставалось, как разойтись по домам¹⁰¹.

Таким образом, на положение Соединенных Штатов, как международное, так и внутреннее, в 1793 г. значительное воздействие оказала Французская революция. Она сильно обострила внутриполитическую борьбу, которая восходила к периоду принятия конституции 1787 г. и которая сама явилась важным фактором идеологического климата страны. Эта борьба ознаменовала собой водораздел между сторонниками благожелательного к Франции курса и кругами, ориентировавшимися на Англию. Вместе с тем именно на фоне этой борьбы и благодаря ей посланник Франции смог разыграть свою дипломатическую буффонаду. Политика Франции по отношению к США в рассмотренный год являлась неотъемлемой частью внешней политики жирондистов с ее мессианскими целями развертывания великого «крестового похода» во имя освобождения народов, помимо их воли, от оков феодализма, за торжество прав человека.

Правительству США удалось сохранить нейтралитет, но это был не тот нейтралитет, которого желали революционная Франция и широкие массы американцев, а угодный буржуазно-аристократической Англии.

⁹⁴ *Ammon H.* Op. cit., p. 99.

⁹⁵ *DeConde A.* Op. cit., p. 97.

⁹⁶ *Young A. F.* Op. cit., p. 358.

⁹⁷ *Bowman A. H.* Op. cit., p. 94.

⁹⁸ *Bowman A. H.* Op. cit., p. 108. Женеэ остался в США, где и прожил остаток своих дней.

⁹⁹ *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1903*, vol. 2, p. 217, 232, 272, 279.

¹⁰⁰ *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1897*, vol. 2, p. 574—629—632, 642—650.

¹⁰¹ *Thomas C. M.* Op. cit., p. 185—186.